

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ПОРОГ ВАВИЛОНА

Эдуард Сероусов

Порог Вавилона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73087893

SelfPub; 2026

Аннотация

2147 год. Человечество узнало страшную правду: реальность существует лишь потому, что мы согласны в том, какой она должна быть. Когда восемь миллиардов разумов подключились к глобальной нейросети, их противоречивые мысли начали рвать ткань пространства-времени. Марек Северин – Архитектор Консенсуса, охотник за теми, чьё мышление угрожает стабильности мира. Он верит, что спасает человечество. Но когда его шестилетний сын начинает видеть невозможное, Марек оказывается перед выбором, который изменит всё. Что если индивидуальность – не дар эволюции, а её сбой? И можно ли доверять ответу, если сам вопрос задаёт тот, кто хочет тебя «исцелить»?

Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

Содержание

Часть I: Схлопывание	4
Глава 1: Литургия	4
Глава 2: Синие лучи	23
Глава 3: Токийский Архив	43
Глава 4: Периметр	63
Глава 5: Аномалия в детской	84
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Эдуард Сероусов

Порог Вавилона

Часть I: Схлопывание

Глава 1: Литургия

Голос из динамика был мягким, почти материнским. Так разговаривают с больными или детьми – терпеливо, без надежды на понимание.

«Реальность едина. Консенсус – это жизнь. Сомнение – это смерть».

Марек Северин произносил слова вместе с миллиардами других, и губы двигались сами, без участия сознания. Сорок два года практики. Пятнадцать тысяч литургий, плюс-минус. В какой-то момент ритуал перестал требовать внимания – как дыхание, как моргание.

Даниил стоял рядом, маленькая фигурка в серой пижаме с облезавшим принтом космического корабля. Шесть лет. Худые плечи, светлые волосы, которые Марек забывал подстричь. Мальчик шевелил губами в такт записи, но взгляд его был направлен куда-то мимо голограммы Якоря, мимо стены, мимо всего.

– Даниил.

Мальчик вздрогнул.

– Папа?

– Смотри на Якорь. Ты должен видеть Якорь.

Голограмма вращалась над столом – стилизованная спираль в голубом сиянии, символ Совета Консенсуса. Каждое утро и каждый вечер, пятнадцать минут. Базовые истины. Стабильность мира начинается с правильных мыслей в каждой голове.

Даниил послушно уставился на спираль, но его глаза снова соскользнули к окну. За стеклом медленно розовело варшавское небо, и первые лучи солнца пробивались сквозь пелену защитных полей. Марек заметил – и отмахнулся. Дети всегда отвлекаются. Ему ли не знать.

«Мы – единый разум. Мы – единое сердце. В согласии – безопасность».

Запись закончилась традиционным аккордом: три ноты, восходящие к разрешению. Психоакустический маркер, закрепляющий внушение. Марек никогда не задумывался, как это работает. Достаточно того, что работает.

– Завтрак, – сказал он. – Быстро. Мне на службу.

Даниил кивнул и побежал на кухню, шлёпая босыми ногами по полу с подогревом. Марек задержался на секунду, глядя ему вслед. Что-то зацепило взгляд – не в мальчике, а в комнате. Угол стены за детским мольбертом казался нечётким, словно камера не могла сфокусироваться.

Марек моргнул. Угол как угол. Девяносто градусов, как положено.

Он потёр глаза. Слишком мало спит. Слишком много работает. В последние месяцы Совет увеличил квоты – всё больше дивергентов, всё меньше времени на обработку. Система работает на износ, но это временно. Это всегда временно.

На кухне Даниил уже сидел над миской с кашей. Марек налил себе кофе – синтетический, но приличный – и проверил расписание на планшете. Брифинг в восемь, выезд в девять, процедура по расчётному в одиннадцать. Стандартный день.

– Папа, – сказал Даниил, ковыряя кашу ложкой, – а почему солнце сегодня странное?

– В каком смысле?

– Не знаю. – Мальчик пожал плечами. – Другого цвета.

Марек глянул в окно. Солнце как солнце. Жёлтое, как и должно быть.

– Оно обычное, сынок. Ешь давай, а то опоздаешь в школу.

Даниил открыл было рот, чтобы возразить, но потом просто пожал плечами и вернулся к каше. Дети – странные существа. Говорят вещи, которые ничего не значат. Так было всегда.

Марек допил кофе одним глотком, обжигая горло. Поцеловал сына в макушку – светлые волосы пахли детским шам-

пунем – и вышел из квартиры, стараясь не вспоминать о нечётком угле в детской.

Штаб-квартира Архитекторов Консенсуса занимала восточное крыло Дворца Культуры – того, что осталось от него после перестройки. Сталинский шпиль демонтировали ещё в семидесятых, заменив на купол нейролингвистического излучателя. Теперь здание напоминало гриб: массивная ножка из серого бетона и мерцающая шляпка, пульсирующая в такт базовой волне Якоря.

Марек прошёл через сканер – процедура занимала три секунды: сетчатка, нейросигнатура, верификация мысленного паттерна. Система подтвердила его личность и допуск третьего уровня. Стеклопанные двери разошлись, и волна прохладного, очищенного воздуха окутала его как привычный саван.

В конференц-зале уже собрались остальные. Шестеро Архитекторов из варшавской ячейки, плюс координатор и два аналитика. Голографический стол транслировал карту Восточно-Европейского Сектора с пульсирующими точками активных дел.

– Северин. – Координатор Яцек кивнул ему. Сухощавый мужчина за шестьдесят, с лицом, похожим на лезвие ножа. – Опаздываете.

– Три минуты.

– Три минуты – это три минуты. Садитесь.

Марек занял своё место. Рядом устроился Томаш Ковач – напарник последних четырёх лет. Младше на семь лет, но уже с репутацией самого эффективного Архитектора в секторе. Томаш верил в систему с тем пылом, который Марек давно растерял. Или, вернее, спрятал так глубоко, что перестал чувствовать.

– Новый объект, – начал Яцек, и над столом возникла трёхмерная модель человеческой головы. Мужчина лет тридцати пяти, славянские черты, залысины. – Януш Кравчик. Инженер на станции очистки воды. Сектор 7. Коэффициент отклонения – 2.7 и растёт.

Два и семь. Марек мысленно прикинул. Опасно, но не критично. Стандартная угроза.

– Что спровоцировало? – спросила Агата, единственная женщина в команде. Короткие седые волосы, шрам через левую бровь.

– Неизвестно. – Яцек переключил слайд. – Три недели назад его показатели были в норме. Потом жена ушла, забрав ребёнка. Развод. Депрессия. Перестал принимать стабилизаторы.

– Классика, – пробормотал Томаш.

– Он начал вести записи. – Яцек вывел на экран фрагменты текста. – «Что если всё, что мы видим – ложь?» «Почему небо такого цвета, какого мы решили?» «Я чувствую, что стены дышат».

Марек почувствовал, как что-то холодное коснулось его позвоночника. «Стены дышат». Он отогнал мысль.

– Локальные аномалии?

– Пока нет. Но стационарный детектор в его районе фиксирует рост нестабильности на полпроцента в неделю. Если не вмешаемся в ближайшие дни, может начаться кристаллизация.

Кристаллизация – так они называли первую стадию. Когда дивергентное мышление начинало влиять на физическую реальность. Сначала мелочи: тени падают не в ту сторону, часы идут с разной скоростью в разных комнатах. Потом – серьёзнее. Предметы меняют форму. Пространство перестаёт подчиняться геометрии.

А потом – Зона. Как в Варшаве. Как в Токио, сто лет назад.

– Северин, Ковач – на вас, – сказал Яцек. – Стандартный протокол. Мягкое изъятие, если возможно. Синхронизация, если нет.

– Понял. – Марек кивнул.

После брифинга он задержался, пока остальные расходились. Подошёл к Яцеку, который сворачивал голографические файлы.

– Что там с Якорями на юге?

Координатор помедлил. Его пальцы замерли над панелью.

– С чего такой интерес?

– Слышал краем уха. Что два закрыли на профилактику.

Яцек посмотрел на него тем взглядом, которым обычно оценивал подозреваемых. Марек выдержал.

– Профилактика – это профилактика, – сказал координатор наконец. – Оборудованию нужен ремонт. Нормальный процесс.

– Конечно.

Марек не стал спорить. Но он знал Яцека достаточно долго, чтобы видеть ложь. В системе Якорей что-то было не так. Те, кто работал с информацией уровнем выше, знали больше. Но Марек был полевым агентом. Ему полагалось охотиться, а не думать.

Он вышел из зала с ощущением, что упустил что-то важное. Это ощущение преследовало его всё чаще в последние месяцы.

Сектор 7 был рабочим районом – приземистые панельные дома, оставшиеся ещё с прошлого века, бетонные детские площадки, ряды одинаковых окон. Люди здесь работали на заводах и станциях, возвращались домой, смотрели разрешённые программы, спали. Жизнь по расписанию, предсказуемая и безопасная.

Марек и Томаш припарковали фургон в двух кварталах от адреса Кравчика. Стандартный фургон – белый, без маркировки. Можно было бы использовать личный транспорт, но протокол требовал анонимности. Меньше свидетелей, мень-

ше вопросов.

– Третий этаж, – сказал Томаш, сверяясь с планшетом. – Квартира двенадцать. Соседи на работе, как и положено.

Марек кивнул. Они синхронизировали нейрошлемы – лёгкие конструкции, почти незаметные под капюшонами форменных курток. Шлемы экранировали их собственные мысли от влияния дивергента и одновременно усиливали базовую волну Якоря в радиусе пяти метров.

– Стандартный подход?

– Да. Я – первый контакт, ты – страховка.

Они поднялись по лестнице. Лифт в доме не работал – вероятно, уже много лет. Запах в подъезде был специфический: смесь дезинфекции и чего-то горького, химического. Стабилизаторы в воде не имели вкуса, но оставляли след на всём, к чему прикасались.

Дверь двенадцатой квартиры была такой же, как остальные – металлической, с облупившейся серой краской. Марек нажал на кнопку звонка. Внутри что-то зашевелилось.

– Кто? – голос был хриплым, настороженным.

– Служба социальной поддержки. – Марек использовал стандартную легенду. – Нам поступил сигнал о вашем состоянии. Можем поговорить?

Молчание. Потом – щелчок замка.

Дверь открылась на цепочку. В щели появилось лицо – то самое, что они видели на брифинге, но осунувшееся, с тёмными кругами под глазами и щетиной в несколько дней.

– Социальная поддержка? – Кравчик усмехнулся. – Я не просил никакой поддержки.

– Мы понимаем. Но ваши соседи обеспокоены. И мы обязаны проверить.

– Соседи... – Мужчина помотал головой. – Какие соседи? Те, что повторяют одно и то же каждый день? Как роботы? Вы это называете соседями?

Марек почувствовал, как Томаш напрягся рядом. Это был плохой знак. Кравчик не просто сомневался – он вербализовал сомнения. Произносил вслух. Слова были опаснее мыслей: слова создавали резонанс, слова распространялись.

– Давайте просто поговорим, – сказал Марек мягко. – Пятнадцать минут. Потом мы уйдём, если захотите.

Кравчик смотрел на него долго, изучающе. Потом что-то изменилось в его глазах – не доверие, но усталость, которая была сильнее страха.

– Ладно. – Он снял цепочку. – Входите.

Квартира была маленькой и неожиданно чистой. Одна комната, кухня-ниша, узкий коридор. Окно выходило на такой же серый дом напротив. На столе – стопка рукописных тетрадей.

Марек незаметно активировал детектор на запястье. Показания мерцали на внутренней стороне шлема: 2.9. Выше, чем по данным брифинга. Растёт.

– Садитесь, – Кравчик указал на диван. – Я не буду предлагать чай. Вода здесь... – Он не договорил.

– Со стабилизаторами, – закончил Томаш. – Вы прекратили пить?

Кравчик резко повернулся к нему. В его глазах мелькнуло что-то – понимание.

– Вы не социальные работники.

Марек встал. Отступать было некуда. Протокол предписывал мягкое изъятие, пока объект кооперируется. Но если он начнёт сопротивляться...

– Мы здесь, чтобы помочь, – сказал он, и его голос был ровным, профессиональным. – То, что вы чувствуете – это можно вылечить. Это не ваша вина. Это болезнь.

– Болезнь? – Кравчик рассмеялся, и смех был страшен – высокий, с надломом. – Болезнь – это когда ты видишь правду? Когда понимаешь, что всё вокруг – декорация?

– Януш...

– Вы не понимаете! – Он схватил одну из тетрадей, швырнул на пол. – Я видел! Вчера ночью я смотрел на стену, и она... она *таяла*. На секунду. А потом снова стала обычной. Потому что я начал сомневаться. Потому что где-то в глубине я всё ещё верю в вашу реальность. Но она ненастоящая! Всё это – ложь!

Детектор на запястье Марек взыл. 3.4. Критическое приближение.

– Томаш, – сказал он тихо. – Протокол Б.

Томаш уже двигался. Он был быстрее, моложе, не обременённый сомнениями. Инъектор мелькнул в его руке – корот-

кий шприц с прозрачной жидкостью. Синхронизатор. Временная мера, которая стабилизирует дивергента на двенадцать-шестнадцать часов.

Кравчик попытался уклониться, но Марек уже держал его за плечи. Хватка была отработана годами практики – ничего личного, просто механика. Игла вошла в шею, и мужчина обмяк с коротким стоном.

Воздух в комнате гудел. Марек чувствовал это всем телом – низкочастотную вибрацию, которую нельзя было услышать, только ощутить. Детектор показывал 3.6. Потом – 3.2. Потом – 2.8. Препарат работал.

– Готов к транспортировке, – сказал Томаш, укладывая бессознательное тело на носилки из фургона. – Я вызову санитарную команду.

Марек кивнул. Он стоял у окна и смотрел на серый дом напротив. В одном из окон – занавеска дрогнула. Кто-то видел. Кто-то всегда видел. Но никто никогда не вмешивался. Так была устроена система.

Он взял со стола одну из тетрадей Кравчика. Раскрыл наугад.

«Что если солнце не жёлтое? Что если мы просто решили, что оно жёлтое, и оно подчинилось? Что если достаточно одному человеку увидеть его другим – и оно изменится?»

Марек закрыл тетрадь. Положил обратно.

Это были мысли больного человека. Бред. Ничего более.

Он повторил это себе дважды, прежде чем выйти из квартиры.

Обнуление прошло штатно.

Так это официально называлось – «обнуление». Как перезагрузка компьютера, как форматирование диска. Термин придумали психологи в семидесятых, когда процедура ещё считалась экспериментальной. Теперь это была рутина.

Кравчика доставили в Центр Нейрокоррекции на окраине города – белое здание без окон, окружённое тройным кольцом охраны. Марек и Томаш сопровождали объект до приёмного блока, заполнили формы, сдали тетради в архив.

В камере синхронизации Кравчик лежал на столе, подключённый к паутине электродов. Его лицо было спокойным – препараты обеспечивали это. Техники работали слаженно, как на конвейере: один настраивал частоты, другой проверял жизненные показатели, третий готовил инъектор с основным составом.

Марек наблюдал через стекло. Он мог бы уйти – его часть работы была выполнена. Но что-то удерживало его здесь. Какая-то необходимость видеть финал.

Главный техник – немолодой мужчина с усталыми глазами – поднял руку. Обратный отсчёт.

Пять. Четыре. Три. Два.

Один.

Машина загудела. Тело Кравчика дёрнулось, выгнулось дугой, опало. На мониторах – хаос волн, который постепенно сглаживался, превращаясь в ровную линию. Не плоскую – это было бы смертью. Но ровную, однородную. Без всплесков, без уникальных паттернов.

Когерентность достигнута, – произнёс синтезированный голос системы.

Процедура заняла четырнадцать минут. Когда техники отключили электроды, Кравчик открыл глаза. Но это были уже другие глаза – пустые, ясные, умиротворённые. Он улыбался.

– Как вы себя чувствуете? – спросил техник.

– Хорошо. – Голос был ровным, без модуляций. – Реальность едина. Консенсус – это жизнь.

– Правильно.

Кравчика увели в реабилитационный блок. Через неделю его выпустят обратно в общество – нового человека, исцелённого от опасного инакомыслия. Он вернётся на работу, получит новую квартиру, возможно, даже новую семью. Он будет счастлив.

Или то, что теперь означало «счастлив» для него.

Марек вышел из здания. Солнце клонилось к закату, и защитные поля над городом окрашивались в оттенки оранжевого и розового. Красиво. Именно так, как должно быть.

Он сел в свою машину – личный транспорт, полагающийся Архитектору третьего уровня – и долго сидел, глядя в ло-

бовое стекло. В голове вертелась фраза из тетради Кравчика:
«Что если солнце не жёлтое?»
Глупость. Опасная глупость.
Марек завёл двигатель и поехал домой.

Квартира встретила его тишиной и запахом чего-то горелого. На кухне обнаружилась соседка – Пани Ковальская, шестидесяти с чем-то, которая присматривала за Даниилом после школы.

– Простите, – сказала она виновато, указывая на кастрюлю с почерневшим содержимым. – Отвлеклась на минуту, и...

– Ничего страшного. – Марек был слишком уставшим для эмоций. – Где Даниил?

– В своей комнате. Рисует. – Пани Ковальская собрала вещи и заторопилась к двери. – Он сегодня весь день какой-то задумчивый. Спрашивал про маму.

Марек кивнул, стараясь не выдать ничего. Лена. Четыре года. Иногда казалось – вечность, иногда – вчера.

Он проводил соседку, закрыл дверь и пошёл к детской.

Даниил сидел на полу перед мольбертом. Вокруг были разбросаны карандаши – целая радуга цветов, которые Марек покупал ему на прошлый день рождения. Мальчик был так сосредоточен, что не сразу заметил отца.

– Привет, сынок.

Даниил поднял голову. Улыбнулся – та самая улыбка, ко-

тору Марек любил больше всего на свете. Немного застенчивая, немного озорная. Улыбка, унаследованная от Лены.

– Папа! Ты рано.

– Не очень. – Марек присел рядом. – Что рисуешь?

Даниил отодвинулся, чтобы отец мог видеть. На листе бумаги был дом – их дом, узнаваемый по характерной форме балкона. Рядом две фигурки: большая и маленькая. Папа и сын. И над всем этим – солнце.

Синее солнце.

Не жёлтое, не оранжевое, не какой-либо оттенок тёплого. Насыщенный ультрамарин, от которого расходились лучи – тоже синие, разных тонов.

– Это наш дом, – объяснил Даниил. – А это мы. А это солнце.

– Я вижу. – Голос Марека звучал ровно. Слишком ровно. – Но почему солнце синее?

Даниил пожал плечами.

– Потому что оно такое.

– Солнце жёлтое, сынок. Ты знаешь это. Мы проходили на литургии.

– Да, но... – Мальчик нахмурился, подбирая слова. – Когда я смотрю на него по-настоящему, оно синее. Просто все говорят, что жёлтое, и оно... притворяется.

Марек открыл рот и закрыл. В его голове звенело что-то – давнее воспоминание, которое он похоронил годы назад. Голос жены: *«Ты когда-нибудь замечал, что реальность ме-*

няется, когда на неё не смотришь?»

Он прогнал воспоминание.

– Солнце не притворяется, – сказал Марек, и его голос стал мягче, чем он хотел. – Оно просто... солнце. Жёлтое. Так устроен мир.

Даниил посмотрел на него с тем выражением, которое Марек видел только у детей: смесь терпения и лёгкого разочарования, словно взрослый не понимает очевидного.

– Ладно, папа.

Мальчик не стал спорить. Он просто вернулся к рисунку, добавляя новые детали – траву, облака, маленькую собаку, которой у них не было, но которую Даниил хотел так отчаянно.

Марек сидел рядом и смотрел на синее солнце.

Это ничего не значит, говорил он себе. Дети рисуют странные вещи. Это нормально. Это не... это не то, чем кажется.

Но где-то в углу комнаты – том самом углу, который утром казался нечётким – тень легла неправильно. Совсем чуть-чуть. Едва заметно.

Марек не позволил себе это видеть.

Он встал, потрепал сына по волосам и пошёл готовить ужин.

За окном солнце садилось – оранжевое, красное, золотое. Цвета заката, какими они должны быть.

Марек не смотрел на рисунок до конца вечера. Но чувствовал его присутствие – как чувствуешь чей-то взгляд спи-

ной. Синее солнце, освещающее нарисованный мир.

Другой мир.

Мир, который не должен существовать.

Глава 2: Синие лучи

Ужин прошёл в молчании.

Марек приготовил макароны – единственное блюдо, которое Даниил ел без возражений. Сыр из синтетического молока, томатный соус из концентрата, немного базилика для иллюзии домашней еды. Они сидели друг напротив друга за маленьким кухонным столом, и тишина между ними была плотной, почти осязаемой.

Даниил ковырял еду вилкой, выстраивая из макарон какие-то узоры на тарелке. Марек смотрел на это и думал о синем солнце. О том, как Кравчик говорил про стены, которые дышат. О совпадениях, которые не бывают совпадениями.

– Ты не голодный? – спросил он наконец.

Даниил покачал головой.

– Съешь хотя бы половину.

Мальчик послушно отправил в рот несколько макаронин. Жевал механически, глядя куда-то мимо отца. Марек узнавал этот взгляд – Лена смотрела так же, когда работала над картиной в голове. Присутствовала телом, но разумом была где-то далеко, в пространствах, куда он не мог за ней последовать.

После ужина Даниил вернулся в свою комнату. Марек убрал посуду, протёр стол, выполнил все маленькие ритуалы, которые создавали иллюзию нормальности. Потом налил

себе воды – обычной, из-под крана, со стабилизаторами – и выпил залпом. Лёгкое онемение на языке. Привычное ощущение.

Он должен был проверить.

Рисунок лежал на мольберте, там, где Даниил его оставил. Марек подошёл ближе, держа в руке портативный анализатор – устройство размером с авторучку, которое он носил с собой на работу. Официально оно предназначалось для полевых замеров. Неофициально – для таких моментов, как этот.

Он навёл анализатор на бумагу. Показания появились на крошечном экране: нулевое отклонение. Просто рисунок. Просто краска на целлюлозе.

Но синее солнце смотрело на него с листа, и что-то в этом цвете было неправильным. Не сам оттенок – ультрамарин как ультрамарин. Неправильным было ощущение, которое он вызывал. Словно глаз видел одно, а какая-то более глубокая часть сознания регистрировала другое.

Марек сложил рисунок пополам. Потом ещё раз. И ещё. Бумага хрустела под пальцами, сопротивляясь, но он продолжал – методично, без эмоций. Когда от рисунка остался плотный комок размером с кулак, он отнёс его на кухню и бросил в утилизатор.

Машина загудела, перемалывая бумагу в однородную массу для переработки.

Марек стоял и смотрел, как синее солнце превращается в

ничто.

– Папа?

Он обернулся. Даниил стоял в дверях кухни, босой, в пижаме. Его глаза были широко раскрыты.

– Что ты делаешь?

– Ничего. – Марек отошёл от утилизатора. – Просто убирался.

– Это был мой рисунок.

Не вопрос. Констатация. Даниил смотрел на утилизатор с выражением, которое Марек видел впервые – смесь непонимания и чего-то похожего на предательство.

– Да, – сказал Марек. Врать не имело смысла. – Это был твой рисунок.

– Зачем ты его выбросил?

Марек открыл рот, чтобы объяснить. Сказать что-то про неправильные цвета, про важность видеть мир таким, какой он есть. Про безопасность и нормы. Про всё то, во что он верил – или заставлял себя верить.

Но слова не шли.

– Солнце должно быть жёлтым, – выговорил он наконец. – Ты же знаешь.

Даниил смотрел на него молча. Потом его лицо сморщилось – так, как морщится у детей перед плачем. Но он не заплакал. Вместо этого развернулся и побежал к себе в комнату.

Марек услышал, как хлопнула дверь.

Он простоял на кухне минут пять, может больше. Смотрел на утилизатор, который давно замолчал. Думал о том, что только что сделал. О том, как это выглядело глазами шестилетнего мальчика.

Папа уничтожил его рисунок. Без объяснений. Без предупреждения.

Марек провёл рукой по лицу. Щетина царапала ладонь – он забыл побриться утром. Забывал всё чаще в последние месяцы. Мелочи ускользали, терялись в рутине работы и выживания.

Он пошёл к детской.

Дверь была закрыта, но не заперта – замков в квартире не было, кроме входного. Марек постучал. Тишина.

– Даниил?

Ничего.

– Даниил, можно войти?

Он подождал ещё несколько секунд, потом толкнул дверь.

Мальчик лежал на кровати, лицом в подушку. Его плечи вздрагивали – мелко, едва заметно. Он плакал, но старался делать это тихо. Так, чтобы папа не услышал.

Что-то сжалось в груди Марека. Он пересёк комнату – три шага, не больше – и сел на край кровати. Положил руку на спину сына.

– Даниил...

– Уйди.

Голос был глухим, сдавленным.

– Я хочу поговорить.

– Не хочу разговаривать.

Марек не убрал руку. Сидел молча, чувствуя, как под ладонью поднимается и опускается маленькая спина. Дыхание постепенно выравнивалось.

– Это был подарок, – сказал Даниил наконец, всё ещё не поднимая головы. – Для тебя.

– Что?

– Рисунок. Я его для тебя рисовал. Хотел подарить.

Марек закрыл глаза. Конечно. Две фигурки на рисунке – большая и маленькая. Папа и сын. Их дом. Их мир.

– Я не знал, – сказал он, и это была правда.

– Ты никогда не знаешь. – Даниил повернул голову, и Марек увидел его лицо – красное, мокрое от слёз. – Ты никогда не смотришь на мои рисунки по-настоящему. Ты просто... проверяешь.

– Что проверяю?

– Не знаю. Правильные они или нет. – Мальчик шмыгнул носом. – Как на литургии. Правильные слова, неправильные слова.

Марек хотел возразить. Сказать, что это не так. Что он любит рисунки сына, что ценит его творчество, что...

Но он не мог. Потому что Даниил был прав.

Каждый раз, когда мальчик показывал ему свои работы,

Марек смотрел не на линии и цвета. Он смотрел на детали. На солнце – того ли оттенка. На тени – туда ли падают. На углы комнат – по девяносто ли градусов. Он искал признаки. Симптомы.

Как на работе.

– Прости, – сказал он, и слово далось с трудом. Он не помнил, когда последний раз извинялся. – Мне не следовало... Я не должен был выбрасывать.

Даниил смотрел на него недоверчиво. Ждал продолжения.

– Я испугался, – добавил Марек, и это тоже была правда. – Иногда взрослые делают глупые вещи, когда боятся.

– Чего ты испугался?

Марек не ответил. Не мог объяснить шестилетнему ребёнку, что боится потерять его. Не физически – хотя и это тоже. Боится увидеть, как свет в этих глазах погаснет, заменённый пустой ясностью синхронизированных. Боится услышать, как живой голос превратится в механическое повторение литургий.

– Неважно, – сказал он. – Глупость. Взрослая глупость.

Даниил сел на кровати. Потёр глаза кулаками – жест, от которого у Марека снова сжалось сердце.

– Папа, – мальчик смотрел на него серьёзно, по-взрослому, – а когда мы заведём собаку?

Переход был таким неожиданным, что Марек не сразу понял.

– Собаку?

– Ты обещал. Давно. Ещё когда был снег.

Марек вспомнил. Зимой, в январе. Они гуляли в парке, и мимо прошла женщина с лохматым псом. Даниил смотрел им вслед так, что не понять было невозможно. И Марек сказал – не подумав, просто чтобы увидеть радость на лице сына: «Может, заведём собаку. Скоро».

– Я помню, – сказал он.

– Так когда?

– Скоро.

– Ты всегда говоришь «скоро». – Даниил нахмурился. – «Скоро» – это вообще когда?

Марек не знал, что ответить. «Скоро» было пустым обещанием, способом отложить решение на неопределённый срок. Собака требовала времени, внимания, ответственности. Всего того, чего у него не хватало на работе, которая пожирала его день за днём.

– Когда всё немного успокоится, – сказал он. – Сейчас у меня много дел, ты знаешь.

– У тебя всегда много дел.

– Да. Такая работа.

Даниил смотрел на него ещё несколько секунд. Потом кивнул – с какой-то недетской усталостью, словно давно научился не верить обещаниям.

– Ладно, папа.

Марек обнял его – коротко, неловко. Он никогда не умел обниматься. Лена шутила, что он обнимается как робот: ме-

ханически, по протоколу. «Ты должен чувствовать, – говорила она. – Не думать о том, как это выглядит, а просто чувствовать».

Он так и не научился.

– Ложись спать, – сказал он, отстраняясь. – Завтра в школу.

– Папа?

– Да?

– А можно ночник оставить? Пожалуйста?

Марек посмотрел на маленький светильник у кровати – пластиковую фигурку ракеты, внутри которой мерцал мягкий оранжевый свет.

– Конечно. – Он щёлкнул выключателем. – Вот так.

Даниил улыбнулся – не так широко, как обычно, но улыбнулся. Забрался под одеяло и повернулся на бок, лицом к ночнику.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сынок.

Марек вышел из комнаты, оставив дверь приоткрытой. Свет из коридора тонкой полосой падал на пол, смешиваясь с оранжевым сиянием ночника.

Он остановился у порога и обернулся.

Стена за мольбертом – та самая, которая показалась ему нечёткой утром – выглядела нормально. Белая, гладкая, с ровным углом в девяносто градусов. Но он всё равно смотрел на неё несколько секунд, выжидая.

Ничего не произошло.

Марек закрыл дверь.

Полночь. Квартира погружена в тишину, нарушаемую только гудением климатической системы.

Марек сидел за рабочим столом в гостиной. Голографический экран висел перед ним, заливая лицо голубоватым светом. Он ввёл свои учётные данные – Архитектор третьего уровня, допуск к базе данных Совета – и открыл поисковую строку.

Его пальцы замерли над клавиатурой.

Он собирался проверить собственного сына. Получить доступ к его файлам, к результатам школьных тестов, к показаниям стационарных детекторов. Сделать то, что делал каждый день на работе – только теперь объект был не чужой человек.

Марек набрал имя: «Даниил Северин».

Файл открылся мгновенно. Фотография – школьная, с прошлого года, Даниил улыбается в камеру, волосы слегка взлохмачены. Базовые данные: возраст, адрес, школа, имена родителей. Имя матери – «Лена Северин (умерла)».

Он промотал ниже.

Результаты когнитивных тестов: норма. Все показатели в пределах допустимого. Коэффициент отклонения: 0.2 – практически идеальная когерентность. Последняя проверка

проведена три недели назад, при плановом школьном осмотре.

Норма.

Марек откинулся на спинку стула. Всё в порядке. Официально всё в порядке. Синее солнце – просто детская фантазия. Странный цвет – просто игра воображения.

Он хотел в это верить.

Но.

Он снова наклонился к экрану. Открыл архив семейных данных. Ввёл другое имя: «Лена Северин».

Файл был объёмнее. Фотография – та, которую он сам загрузил в систему четыре года назад, когда оформлял документы. Лена смотрела на него с экрана – тёмные волосы, собранные в небрежный пучок, смеющиеся глаза, родинка над верхней губой.

Он не позволил себе задержаться на фотографии.

Дата смерти: 17 марта 2143 года. Причина: несовместимость с реальностью. Официальная формулировка, за которой скрывалось то, что невозможно было выразить словами.

Марек помнил тот день. Каждую секунду, каждый вдох.

Он вернулся домой раньше обычного. Лена не отвечала на сообщения, и в этом не было ничего необычного – когда она работала, мир переставал существовать. Но что-то тянуло его домой. Предчувствие, которое он потом будет называть интуицией, а тогда списал на усталость.

Дверь мастерской была открыта.

Лена арендовала помещение на чердаке старого дома – незаконно, без регистрации. Там она работала над картинами, которые никогда не показывала никому, кроме него. Картины, которые становились всё страннее с каждым месяцем.

В тот день Марек увидел последнюю.

Он не мог описать её потом – ни следователям, ни психологу, ни самому себе. Помнил только ощущение: смотреть на холст было как смотреть в разрыв ткани мира. Краски текли и переливались, не подчиняясь законам оптики. Формы были и не были одновременно. Глаз скользил по поверхности, не находя точки фокуса, и мозг отчаянно пытался собрать хаос в какой-то осмысленный образ.

А потом картина начала расти.

Не физически – она осталась того же размера. Но пространство вокруг неё искривлялось, втягивалось, становилось частью изображения. Стол рядом с мольбертом потерял угол – просто исчез, словно кто-то вырезал его ножницами из реальности. Пол под ногами стал мягким, податливым. Стены изогнулись.

Марек закричал.

Или думал, что закричал. Звук, который вышел из его горла, был неправильным – слишком высоким, слишком длинным, растянутым во времени, которое текло не так, как должно.

А потом – хлопок. Тихий, почти неслышный. Как звук лопнувшего мыльного пузыря.

И всё закончилось.

Марек стоял посреди мастерской. Вокруг – полный хаос: разбросанные кисти, перевёрнутые банки с краской, обрывки холстов. Мольберт лежал на боку, и рама картины – пустая рама, без холста – валялась рядом.

Лены не было.

Не было нигде.

Он искал. Звонил на все номера. Поднял на ноги всю варшавскую ячейку Архитекторов. Они прочесали мастерскую миллиметр за миллиметром. Взяли пробы, сделали анализы, изучили каждую каплю краски.

Следственная комиссия работала три недели.

Вывод был однозначным: Лена Северин, художник, бывший преподаватель Академии искусств, прогрессирующий дивергент – погибла в результате спонтанного квантового декогерирования. Её личность и тело распались на составляющие волновые функции и слились с пространством-временем в месте разрыва.

«Несовместимость с реальностью», – написали в заключении. Три слова, которые должны были объяснить всё.

Марек закрыл файл.

Руки не дрожали. Он научился контролировать это. Но внутри – там, где когда-то было что-то живое и тёплое – снова поднималась та пустота, которую он заполнял работой, литургиями, рутиной.

Лена была дивергентом. Это было очевидно уже тогда –

и он не видел. Не хотел видеть. Её странные картины, её разговоры о «настоящих цветах» и «скрытых формах», её привычка смотреть в одну точку часами – всё это он объяснял талантом. Художественным видением. Чем угодно, кроме правды.

Она видела мир иначе. И мир не выдержал её взгляда.

А теперь Даниил рисует синие солнца.

Марек снова открыл файл сына. Перечитал показания. Норма. Норма. Норма. Всё в пределах. Всё безопасно.

Но стационарные детекторы не улавливали того, что видел он. Того микроскопического искажения в углу стены. Того ощущения неправильности, когда смотришь на ультрамариновое солнце.

Может, он просто параноик.

Может, четыре года одиночества и работы сломали что-то в его голове.

Может, он видит то, чего нет, потому что слишком боится увидеть то, что есть.

Марек выключил экран.

Квартира погрузилась в темноту.

Он не собирался спать. Достал из шкафа папку – бумажную, старомодную, из тех времён, когда ещё доверяли физическим носителям. Внутри были фотографии.

Лена на выпускном в Академии – в чёрном платье, с бока-

лом шампанского, смеющаяся. Лена в мастерской – измазанная краской, сосредоточенная, красивая. Лена с новорождённым Даниилом – уставшая, счастливая, испуганная.

Лена на их свадьбе – в простом белом платье, без фаты, с полевыми цветами в волосах.

Он пролистал фотографии одну за другой. Искал – сам не зная, что именно. Признаки? Симптомы? Момент, когда всё пошло не так?

Последняя фотография была сделана за месяц до смерти. Лена на балконе, смотрит на закат. Её лицо в профиль, и свет падает так, что один глаз полностью в тени.

Марек долго смотрел на это фото.

Закат за спиной Лены был нормальным. Оранжевый, красный, золотой. Никаких странных оттенков. Ничего необычного.

Но её глаза – тот, что был освещён – смотрел куда-то мимо горизонта. Сквозь небо. В какое-то другое место.

«Ты когда-нибудь замечал, – сказала она ему в тот вечер, – что реальность меняется, когда на неё не смотришь?»

Он ответил что-то про усталость. Про то, что ей нужно отдохнуть. Про то, что работа над последней картиной слишком её изматывает.

Она только улыбнулась.

«Ты не видишь, – сказала она. – Но может, однажды увидишь».

Марек убрал фотографии в папку. Убрал папку в шкаф.

Закрыл дверцу. Закрыл шкаф.

Закрыл.

Сон не приходил.

Марек лежал на диване в гостиной – в спальню он перестал ходить после смерти Лены. Там всё ещё лежали её вещи: халат на крючке за дверью, книга на тумбочке, расчёска с несколькими тёмными волосками. Он не мог заставить себя ничего выбросить. И не мог заставить себя там спать.

За окном светлело небо – до рассвета оставалось часа два, может меньше. Он думал о Кравчике в камере синхронизации. О его пустых глазах после процедуры. О том, как инженер улыбался, повторяя слова литургии.

«Реальность едина».

А если нет?

Мысль была опасной. Марек знал это – как врач знает симптомы болезни, которой боится заразиться. Сомнение – это первый шаг. Потом приходят вопросы. Потом – видения. Потом – стены начинают дышать.

Он видел это сотни раз. Работа Архитектора – находить людей на этом пути и возвращать их обратно. Или обнулять, если вернуть невозможно.

Но что если...

Марек сел. Потёр глаза. Три часа без сна – не лучшее состояние для философских размышлений. Нужно просто до-

жить до утра. Выпить кофе. Пойти на работу. Сделать всё как обычно.

Он встал и пошёл к комнате Даниила. Просто проверить. Убедиться, что всё в порядке.

Дверь была всё так же приоткрыта. Полоска света из коридора падала на пол. Ночник-ракета мерцал оранжевым, отбрасывая мягкие тени на стены.

Даниил спал, свернувшись калачиком под одеялом. Его дыхание было ровным, глубоким. Обычный ребёнок, обычный сон.

Марек шагнул в комнату. Остановился у кровати.

Мальчик был так похож на Лёну в этот момент. Те же черты лица, смягчённые сном. Та же родинка над губой – едва заметная, но она была. Тот же поворот головы на подушке.

Марек присел на край кровати. Осторожно, чтобы не разбудить. Положил руку на голову сына – светлые волосы были мягкими, тёплыми.

«Шесть лет, – думал он. – Боится темноты. Хочет собаку. Любит макароны с сыром. Ненавидит брокколи. Обычный мальчик».

Который рисует невозможные вещи.

Который спрашивает, почему солнце «притворяется».

Который, возможно, унаследовал от матери не только родинку над губой.

– Я не дам тебя забрать, – прошептал Марек. – Слышишь? Никому не дам.

Даниил шевельнулся во сне. Его губы двигались – едва заметно, беззвучно. Марек наклонился ближе.

Мальчик что-то говорил.

Марек задержал дыхание, пытаясь разобрать слова.

– ...мама показывает... – бормотал Даниил. – ...показывает мне... как смотреть...

Марек отпрянул.

Его сердце стучало – громко, быстро, отдаваясь в висках. Он смотрел на спящего сына и чувствовал, как холод поднимается по позвоночнику.

Лена мертва. Четыре года. Её тело растворилось в аномалии. Её сознание – если оно вообще где-то существовало – было рассеяно по квантовым вероятностям, недоступным никакому контакту.

Но Даниил говорил во сне.

И он говорил о ней.

«Мама показывает мне, как смотреть».

Марек встал. Вышел из комнаты. Прикрыл дверь – аккуратно, бесшумно.

Он прислонился к стене в коридоре. Дышал глубоко, медленно, считая вдохи. Техника стабилизации, которой его учили в первый год службы. «Когда паникуешь – дыши. Когда сомневаешься – считай. Когда боишься – вспоминай базовые истины».

Реальность едина. Консенсус – это жизнь. Сомнение – это смерть.

Но какой консенсус, если мёртвая мать разговаривает с сыном во сне?

Марек не знал.

Он простоял в коридоре до рассвета – неподвижный, застывший, глядя на тонкую полоску света под дверью детской.

За окном небо медленно розовело.

Новый день начинался.

Обычный день.

Как все остальные.

Глава 3: Токийский Архив

Архив располагался в подвале Дворца Культуры – там, где когда-то были бомбоубежища, а теперь хранились секреты, которые Совет предпочитал не вспоминать.

Марек спустился на лифте – семь этажей вниз, мимо уровней с пометками «Ограниченный доступ» и «Только для персонала». На минус седьмом двери открылись в коридор, освещённый холодным белым светом. Ни окон, ни украшений – только бетон, сталь и запах рециркулированного воздуха.

Дежурный офицер проверил его допуск трижды. Сетчатка, нейросигнатура, голосовое подтверждение.

– Цель визита?

– Исследовательский запрос, – сказал Марек. – Архивные материалы по Токийской Аномалии.

Офицер посмотрел на него с тем выражением, которое Марек научился читать за годы службы: смесь любопытства и настороженности. Архитекторы редко интересовались историей. Их дело – настоящее.

– Третий терминал, – сказал офицер наконец. – У вас два часа.

Марек кивнул и пошёл по коридору.

Терминал представлял собой кабинку размером с телефонную будку – герметичную, экранированную от внешних

сигналов. Внутри – кресло, голографический проектор и панель управления. Марек закрыл за собой дверь и услышал, как щёлкнули замки.

Он сел. Ввёл запрос.

Экран мигнул, и перед ним развернулся каталог: тысячи файлов, отсортированных по дате, типу, уровню секретности. Марек выбрал раздел «Визуальные материалы» и открыл первую запись.

Дата: 15 июля 2047 года. Время: 14:23 по токийскому времени. Камера наблюдения, установленная на соседнем здании.

На экране появился небоскрёб – стеклянная башня в срок этажей, типичная для делового района Синдзюку. Яркий летний день, синее небо, солнечные блики на фасаде. Люди внизу шли по своим делам. Машины стояли в пробке. Обычный полдень в мегаполисе.

Потом что-то изменилось.

Марек не сразу понял, что именно. Картинка оставалась прежней, но появилось ощущение неправильности – как бывает, когда смотришь на оптическую иллюзию и понимаешь, что глаз тебя обманывает.

Здание начало таять.

Не рушиться – именно таять. Этажи с двадцать восьмого по тридцатый потеряли чёткость, словно кто-то размазал изображение пальцем. Стекло и бетон переставали быть стеклом и бетоном, превращаясь во что-то промежуточное,

неопределённое.

Марек смотрел, как люди в окнах – крошечные фигурки на записи – становились силуэтами. Не падали, не кричали. Просто теряли форму, размывались по краям, растекались.

Восемьсот сорок семь человек.

Процесс занял четырнадцать секунд.

Когда всё закончилось, на месте трёх этажей зияла пустота. Не дыра – именно пустота. Этажи выше и ниже остались на месте, но между ними было ничто. Не воздух, не пространство. Отсутствие.

Камера зафиксировала ещё несколько минут – людей, которые бежали от здания, машины скорой помощи, полицейские кордоны. Потом запись оборвалась.

Марек перемотал назад. Смотрел снова. И снова.

Пытался понять, что именно он видит.

Токийская Аномалия была первой. Первым доказательством того, что теория квантовой меметики – не абстракция, а реальность. Двести миллионов наблюдателей, подключённых к Ноосфере, сфокусировались на одном объекте. Каждый видел здание чуть иначе – разные углы, разные детали, разные ожидания. И когда критическая масса противоречий была достигнута, пространство-время просто сдалось.

Здание не разрушилось. Оно перестало существовать в согласованной реальности.

Вместе с людьми внутри.

Марек открыл другие файлы. Показания свидетелей –

бессвязные, полные противоречий. Научные отчёты – страницы формул, которые он не понимал. Списки погибших – имена, возраст, фотографии.

Восемьсот сорок семь пустых могил. Потому что хоронить было нечего.

Он остановился на одном снимке. Молодая женщина, двадцать шесть лет. Юрист в компании, занимавшей двадцать девятый этаж. Улыбается на фотографии – той, что сделали для корпоративного профиля.

Её звали Юки Танака.

Она была на совещании, когда реальность схлопнулась.

Марек смотрел на её лицо и думал о Лене. О том, как она улыбалась – так же открыто, так же незащитно. О том, как её тело растворилось в аномалии, оставив только пустую раму.

«Несовместимость с реальностью».

Он закрыл файл. Потёр глаза.

В голове вертелись вопросы, которые он не хотел задавать. Если дивергенция наследуется – что это значит для Даниила? Если Лена была достаточно сильной, чтобы создать аномалию в одиночку – что унаследовал их сын?

Синее солнце.

«Мама показывает мне, как смотреть».

Марек встал. Вышел из кабинки. Дежурный офицер проводил его взглядом, но ничего не сказал.

В лифте Марек прислонился к стене и закрыл глаза. Четырнадцать секунд. Столько времени понадобилось, чтобы

уничтожить три этажа небоскрёба. Столько времени может понадобиться, чтобы уничтожить его сына.

Двери открылись. Марек вышел в холл штаб-квартиры. У него было ещё одно дело.

Исследовательский центр Совета располагался в северном крыле Дворца – там, где когда-то были концертные залы. Теперь за звуконепроницаемыми стенами работали лаборатории: нейровизуализация, квантовая физика, генетический анализ. Всё, что нужно для изучения дивергенции.

И для её лечения.

Доктор Эмиль Рейнхард принял Марек в своём кабинете – небольшой комнате, заставленной оборудованием и заваленной бумагами. Настоящими бумагами, не цифровыми – Рейнхард был из тех учёных старой школы, которые не доверяли ничему, кроме физических носителей.

– Архитектор Северин. – Рейнхард указал на стул, заваленный папками. – Сдвиньте куда-нибудь. Или сядьте сверху, мне всё равно.

Марек переложил папки на пол и сел. Рейнхард – сухоощавый мужчина за шестьдесят, с седой щетиной и глазами, которые казались слишком яркими для его возраста – смотрел на него с выражением вежливого любопытства.

– Чем обязан визиту? Архитекторы редко заглядывают к нам без официального повода.

– Это неофициально, – сказал Марек. – Личный вопрос.
– Тем интереснее.

Марек помедлил. Он репетировал этот разговор по дороге, подбирая слова, которые не выдадут слишком много. Но теперь, сидя напротив Рейнхарда, он понимал, что никакие слова не скроют правды от человека, который тридцать лет изучает человеческий мозг.

– Дивергенция наследуется? – спросил он прямо.

Рейнхард откинулся на спинку кресла. Его пальцы – длинные, с желтоватыми пятнами от химикатов – забарабанили по подлокотнику.

– Интересный вопрос. С чего вдруг?

– Профессиональный интерес.

– Разумеется. – Рейнхард усмехнулся. – Архитектор третьего уровня приходит ко мне с «профессиональным интересом» о генетике дивергенции. Как будто у вас нет доступа к официальным отчётам.

– Официальные отчёты говорят, что корреляция не доказана.

– Официальные отчёты говорят много чего. – Рейнхард встал, подошёл к окну. За стеклом виднелся внутренний двор – серый бетон, несколько чахлых деревьев. – Вы читали материалы по Токио?

Марек кивнул.

– Тогда вы знаете, что Аномалия изменила всё. До неё мы думали, что понимаем, как работает реальность. После –

поняли, что не понимаем ничего.

– При чём здесь наследственность?

Рейнхард повернулся к нему. В его глазах было что-то – не насмешка, скорее грусть человека, который слишком много знает.

– Официальная позиция Совета: дивергенция – результат внешних факторов. Стресс, травма, отказ от стабилизаторов. Генетика играет минимальную роль. Это... успокаивает людей. Даёт им ощущение контроля.

– А неофициальная?

– Неофициально... – Рейнхард вернулся к столу, но не сел. Стоял, опираясь руками о спинку кресла. – Вы знаете, что такое Узел Синхронии?

Марек покачал головой.

– Рудиментарная структура в мозге. Между таламусом и гиппокампом. У большинства людей она атрофирована, практически не функционирует. Но у некоторых... – Рейнхард замолчал.

– У дивергентов?

– У сильных дивергентов – да. И у синхронизированных. У «пустых», как их называют в народе. Узел активен, светится голубым при нейровизуализации. – Он сделал паузу. – И передаётся по наследству.

Марек почувствовал, как что-то холодное сжалось в груди.

– Это в официальных отчётах не упоминается.

– Потому что это ставит неудобные вопросы. Если дивергенция наследуется, значит, мы не можем просто «вылечить» население. Значит, проблема глубже, чем отказ от литургий или стабилизаторов. – Рейнхард снова сел. – И значит, некоторые семьи – группа риска.

Марек молчал. Думал о Лене. О её картинах. О том, как она говорила о «настоящих цветах».

О том, что их сын рисует синие солнца.

– Вы сказали, что Узел есть и у синхронизированных, – произнёс он. – Это одна и та же структура?

– Хороший вопрос. – Рейнхард кивнул, словно студенту, давшему правильный ответ. – Да. Та же самая. Только у дивергентов она работает... хаотично. А у синхронизированных – упорядоченно. Как будто её настроили на нужную частоту.

– Настроили?

– Это метафора. – Рейнхард махнул рукой. – Или не метафора. Честно говоря, мы до сих пор не понимаем механизма. Знаем только, что глубокая синхронизация активирует Узел определённым образом. После этого человек... меняется. Становится частью чего-то большего. Или теряет себя. Зависит от точки зрения.

Марек вспомнил Кравчика после процедуры. Пустые глаза. Спокойная улыбка. «Реальность едина».

– У вас есть ещё вопросы? – спросил Рейнхард. – Или вы получили то, за чем пришли?

Марек посмотрел на него. Учёный смотрел в ответ – без осуждения, без любопытства. Просто ждал.

– Откуда вы знаете про Узел? – спросил Марек. – Это ведь не общедоступная информация.

– Я руковожу исследовательским отделом, Северин. Знать – моя работа.

– И вы рассказываете об этом первому встречному Архитектору?

Рейнхард улыбнулся – короткой, невесёлой улыбкой.

– Вы не первый встречный. Вы человек, который только что два часа провёл в архиве, изучая записи Токийской Аномалии. А потом пришёл спрашивать о наследственности дивергенции. – Он наклонился вперёд. – Ваша жена была художником, верно? Лена Северин. Погибла четыре года назад в результате спонтанного декогерирования.

Марек не ответил. Его лицо превратилось в маску.

– Я читал отчёт, – продолжил Рейнхард. – Впечатляющий случай. Создать аномалию в одиночку, без внешнего усиления – это редкость. Очень сильный дивергент. – Он помолчал. – И у вас есть сын. Шесть лет.

– Это угроза?

– Боже, нет. – Рейнхард покачал головой. – Это констатация факта. Я учёный, Северин. Меня интересует истина, а не политика. Если бы я хотел вам навредить, я бы просто написал рапорт.

– Тогда зачем вы это говорите?

Рейнхард встал. Подошёл к одному из стеллажей, достал папку – потрёпанную, с выцветшей этикеткой.

– Вы знаете, откуда взялась теория квантовой меметики? Марек нахмурился.

– Из исследований после Токио. Группа физиков и нейробиологов...

– Нет. – Рейнхард положил папку на стол между ними. – Это официальная версия. Красивая история о гениальных учёных, которые собрали мозаику из осколков катастрофы. – Он постучал пальцем по папке. – Правда другая.

– Какая?

– Теорию не открыли. Её получили.

Марек уставился на него.

– Получили? От кого?

– Этого мы не знаем. – Рейнхард пожал плечами. – Через три дня после Токио на серверы Совета – тогда ещё не Совета, просто координационного центра – пришёл пакет данных. Без обратного адреса, без подписи. Полная теория квантовой меметики: уравнения, модели, практические рекомендации. Всё, что нужно для создания системы Якорей.

– Это невозможно.

– И тем не менее. – Рейнхард развёл руками. – Я видел оригинальные файлы. Метаданные указывают на источник вне известных сетей. Некоторые коллеги считают, что это была утечка из секретной лаборатории. Другие – что сигнал пришёл извне.

– Извне?

– Из космоса. Из параллельной реальности. От бога. Выбирайте любую версию, которая вам нравится. – Рейнхард усмехнулся. – Суть в том, что мы построили всю нашу цивилизацию на фундаменте, который не понимаем. Используем инструменты, происхождение которых нам неизвестно.

Марек смотрел на папку. Не прикасался к ней.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Потому что вы задаёте правильные вопросы. – Рейнхард снова сел. – И потому что мне кажется, вы скоро будете задавать их ещё больше. Когда это произойдёт – вспомните наш разговор. Вспомните, что официальная версия – не единственная.

– Это всё?

– На сегодня – да. – Рейнхард указал на дверь. – У меня через десять минут совещание. Но если захотите поговорить ещё – вы знаете, где меня найти.

Марек встал. Дошёл до двери. Остановился.

– Доктор Рейнхард.

– Да?

– Если дивергенция наследуется... есть способ предотвратить?

Рейнхард долго смотрел на него. Потом покачал головой.

– Предотвратить – нет. Направить – возможно. Но это уже совсем другой разговор.

Марек вышел, не оглядываясь.

В школе шёл урок рисования.

Классная комната была светлой, стерильной – белые стены, белые парты, белые халаты на учениках. Двадцать четыре ребёнка сидели рядами, каждый перед своим листом бумаги. Учительница – молодая женщина с гладко зачёсанными волосами – ходила между рядами, заглядывая в работы.

– Тема сегодняшнего урока – «Моя семья», – сказала она. – Нарисуйте тех, кто живёт с вами. Мама, папа, братья, сёстры. Используйте цвета, которые вы видите на них каждый день.

Даниил взял карандаш. Посмотрел на чистый лист.

Семья.

Он начал с папы – высокая фигура в тёмной одежде. Папа всегда носил тёмное: серое, чёрное, синее. Даниил не знал почему. Может, потому что так проще. Не нужно выбирать.

Потом – он сам. Маленькая фигурка рядом с большой. Светлые волосы, как у него. Улыбка, которую он старался делать правильной.

Потом...

Даниил замер с карандашом в руке.

Мама.

Он помнил её. Не очётливо – ему было два года, когда она исчезла. Но он помнил запах: краски и что-то цветочное. Помнил голос: низкий, тёплый. Помнил, как она держала его

на руках и показывала картинки в книжке.

И он видел её. Иногда. Не глазами – как-то по-другому. Во сне или не во сне, он не мог объяснить.

Она показывала ему вещи. Как смотреть. Как видеть то, что другие не видят.

Даниил начал рисовать третью фигуру. Тёмные волосы, длинное платье. Мама стояла между ним и папой, держа их за руки.

– Даниил?

Он поднял голову. Учительница стояла рядом, глядя на его рисунок.

– Да, Мира Александровна?

– Это... кто это? – Она указала на третью фигуру.

– Мама.

Учительница нахмурилась. Даниил знал это выражение – взрослые всегда так хмурились, когда он говорил что-то неправильное.

– Даниил, твоя мама... – Она замялась. – Её больше нет с вами. Ты ведь знаешь?

– Знаю. – Даниил кивнул. – Но она всё равно с нами. Просто по-другому.

– По-другому?

– Да. – Он не знал, как объяснить. – Она не здесь, но она... рядом. Иногда я её слышу.

Учительница открыла рот, закрыла. На её лице появилось выражение, которое Даниил не мог прочесть – что-то сред-

нее между тревогой и страхом.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Продолжай рисовать. Она отошла к своему столу. Даниил видел, как она что-то пишет в журнале – быстро, наклонив голову, чтобы никто не видел.

Он вернулся к рисунку.

Дом. Нужно нарисовать дом – там, где они живут. Квадратный, с окнами, с крышей.

Даниил взял коричневый карандаш и начал рисовать стены.

После школы Марек забрал сына сам – отпросился с работы на полчаса раньше. Он стоял у ворот вместе с другими родителями, и Даниил выбежал к нему с рюкзаком за спиной и свёртком бумаги в руках.

– Папа! – Мальчик обнял его за ноги. – Ты рано!

– Немного. – Марек присел, чтобы быть на одном уровне. – Как школа?

– Нормально. Мы рисовали.

– Что рисовали?

– Семейю. – Даниил протянул ему свёрток. – Вот, посмотри.

Марек взял бумагу. Развернул.

На рисунке были три фигуры: высокая тёмная – он сам, маленькая светлая – Даниил, и третья – женщина с тёмными

волосами.

Лена.

Марек смотрел на рисунок и чувствовал, как что-то сжимается в горле.

– Это мама, – объяснил Даниил. – Я знаю, что её нет. Но мне хотелось нарисовать.

– Хорошо, – сказал Марек. Голос звучал хрипло. – Это... хороший рисунок.

Даниил просиял.

– Правда? Ты правда смотришь?

– Правда смотрю.

И Марек смотрел. На три фигуры, держащиеся за руки. На солнце над ними – жёлтое, как положено. На траву, на облака.

На дом.

Дом был квадратным, с окнами и крышей. Обычный детский рисунок дома. Но в правом нижнем углу чего-то не хватало.

Угла.

Там, где должна была быть вертикальная линия стены, была пустота. Не белое пространство – именно пустота. Линия крыши и линия земли сходились в точке, которой не существовало.

Даниил нарисовал дом без угла.

– Сынок, – сказал Марек медленно, – а почему дом... такой?

– Какой?

– Вот здесь. – Он указал на пустое место. – Тут чего-то не хватает.

Даниил посмотрел на рисунок. Нахмурился. Потом пожал плечами.

– Не знаю. Он такой. – Мальчик поднял глаза на отца. – Папа, а можно мороженое? Ты обещал на прошлой неделе.

Марек не ответил сразу. Он всё смотрел на рисунок – на жёлтое солнце, на три фигуры, на дом с недостающим углом.

– Папа?

– Да, – сказал он. – Да, конечно. Мороженое.

Он сложил рисунок и убрал в карман. Взял сына за руку.

Они пошли к машине – мимо других родителей с детьми, мимо ограды школы, мимо стационарного детектора, который мигал зелёным: норма, норма, норма.

Марек не оглядывался.

В кармане лежал рисунок с домом, у которого не было угла. Солнце на нём было жёлтым – правильным, как учили на литургиях.

Но угол – угол отсутствовал.

И Марек знал – с той же ледяной ясностью, с которой знал о смерти Лены – что это не случайность. Не детская небрежность. Не ошибка.

Даниил нарисовал то, что видел.

Вопрос был в том – что именно он видит.

Вечером, когда Даниил уснул, Марек сидел на кухне с рисунком перед собой.

Жёлтое солнце. Три фигуры. Дом без угла.

Он думал о Токийской Аномалии – о здании, которое перестало существовать. О людях, которые превратились в силуэты. О четырнадцати секундах, которые изменили мир.

Он думал о Рейнхарде – о теории, которую «получили» неизвестно откуда. Об Узле Синхронии, который передаётся по наследству. О вопросах, на которые нет ответов.

Он думал о Лене – о её последней картине. О пустой раме. О том, как реальность схлопнулась вокруг неё, забрав её навсегда.

И он думал о сыне – о мальчике, который рисует невозможные вещи и разговаривает с мёртвой матерью во сне.

Показатели в норме. Детекторы ничего не фиксируют. Официально всё в порядке.

Но Марек видел этот рисунок. Видел угол, которого нет.

И он знал, что времени осталось мало.

Он не знал – для чего именно. Не знал, что делать. Не знал, куда идти и кого просить о помощи.

Но он знал одно: он не позволит сыну повторить судьбу матери.

Любой ценой.

Марек сложил рисунок. Убрал в ящик стола – к фотографиям Лены, к документам, которые он хранил на случай, ес-

ли понадобятся.

За окном светились огни Варшавы. Где-то там, на окраине, пульсировал купол Якоря – стабилизатор реальности, хранитель Консенсуса.

Марек смотрел на этот свет и думал о том, как тонка грань между порядком и хаосом.

Между нормой и аномалией.

Между жизнью и исчезновением.

Ночь была долгой.

Глава 4: Периметр

Брифинг начался с плохих новостей.

– Граница сместилась, – сказал Яцек, и голографическая карта над столом окрасилась красным. – Три километра за последний месяц. Темпы ускоряются.

Марек смотрел на расплзающееся пятно Варшавской Зоны. Ещё год назад она занимала несколько кварталов старого города – руины, которые никто не пытался восстанавливать после Хаоса. Теперь красная область подбиралась к жилым районам, к станциям метро, к школам.

К его дому оставалось одиннадцать километров.

– Причина? – спросила Агата.

– Якорь-17 работает на шестьдесят семь процентов мощности. – Яцек переключил слайд, и на экране появилась техническая схема. – Вышел из строя один из трёх излучателей. Запчастей нет.

– Как это – нет?

– Нет в наличии. Нет на складах. Нет в производстве. – Координатор говорил ровно, но Марек слышал напряжение в его голосе. – Тербиевые сенсоры. Последняя партия ушла на Якоря в Азиатском секторе три месяца назад. Следующая поставка – не раньше чем через полгода. Если будет.

В комнате повисла тишина.

Марек знал о ресурсном кризисе – слухи ходили давно.

Но одно дело слухи, другое – слышать это на официальном брифинге. Из уст координатора, который никогда не говорил лишнего.

– Совет обсуждает варианты, – продолжил Яцек. – Один из них – контролируемое отступление.

– Отступление? – Томаш подался вперёд. – Мы что, сдадим территорию?

– Мы перенесём периметр безопасности на новую линию. Эвакуируем население из зоны риска. Сконцентрируем ресурсы на защите того, что можно защитить.

– А те, кто останется внутри?

Яцек не ответил. Ответ был очевиден.

– Пока решение не принято, нам нужны данные. – Координатор вывел на экран маршрут. – Разведка внутренней части Зоны. Оценка темпов расширения, картирование аномалий, поиск выживших.

– Выживших? – Марек впервые подал голос. – Там есть выжившие?

– Есть. – Яцек посмотрел на него. – Немного. Те, кто адаптировался. Или думает, что адаптировался. – Он помолчал. – Северин, это ваше задание. Вы единственный в команде, кто работал внутри Зоны раньше.

Марек кивнул. Он работал – дважды, в первые годы службы. Короткие вылазки, несколько часов максимум. Каждый раз он выходил с ощущением, что оставил внутри часть себя.

– Томаш на подстраховке, – добавил Яцек. – Останется

на периметре. Связь каждые пятнадцать минут. Если пропустили два сеанса – высылаем группу эвакуации.

– Понял.

– Вопросы?

Марек посмотрел на карту. На красное пятно, которое медленно пульсировало, словно живое.

– Сколько времени у меня внутри?

– Четыре часа максимум. После этого начинается необратимая дезориентация. – Ящик выключил проектор. – Выезд через час. Удачи, Северин.

Периметр представлял собой полосу отчуждения шириной в двести метров – нейтральную зону между стабильной реальностью и хаосом. Бетонные блоки, колючая проволока, вышки с прожекторами. Не для того, чтобы не пустить людей внутрь – для того, чтобы не выпустить то, что внутри.

Марек прошёл через контрольно-пропускной пункт. Охранник – молодой парень с нервным тиком – проверил его документы трижды.

– Первый раз туда? – спросил он.

– Нет.

– А. – Парень вернул удостоверение. – Тогда вы знаете. Не смотрите на небо слишком долго. И если услышите музыку – не идите на звук.

Марек кивнул и двинулся к воротам.

За его спиной остался Томаш – напарник стоял у командного фургона, скрестив руки на груди. Они не разговаривали по дороге. После того случая с Кравчиком – после того, как Томаш заметил что-то в его поведении – между ними повисло напряжение. Неозвученное, но осязаемое.

Ворота открылись с протяжным скрипом.

Марек шагнул внутрь.

Первое, что он почувствовал – изменение давления. Не физического, а какого-то другого. словно воздух стал гуще, тяжелее. словно каждый вдох требовал усилия.

Нейрошлем на его голове загудел, усиливая базовую волну ближайшего Якоря. Шестидесят семь процентов – этого хватало, чтобы создать вокруг него пузырь относительной стабильности. Небольшой, ненадёжный, но пузырь.

Марек пошёл вперёд.

Улицы старой Варшавы помнили другие времена.

Когда-то здесь были магазины, кафе, жилые дома. Люди ходили на работу, возвращались домой, жили обычной жизнью. Теперь от всего этого остались только призраки – облупившиеся вывески, разбитые витрины, машины, застывшие там, где их бросили владельцы семьдесят лет назад.

И аномалии.

Марек свернул на боковую улицу и остановился. Улица не заканчивалась – она закручивалась. Буквально. Асфальт из-

гибался вверх, дома наклонялись друг к другу, и где-то в ста метрах впереди дорога превращалась в вертикальную стену, а потом – в потолок.

Спираль.

Он видел такое на записях, но вживую это было... иначе. Мозг отказывался принимать информацию, которую передавали глаза. Вестибулярный аппарат сходил с ума, пытаюсь определить, где верх, а где низ.

Марек отвёл взгляд. Сделал глубокий вдох.

– Контрольная точка один, – сказал он в микрофон на воротнике. – Вхожу в зону деформации. Связь стабильная.

– Принято, – раздался голос Томаша. – Помни: пятнадцать минут.

Марек двинулся дальше, обходя спиральную улицу по краю. Здесь, у стен домов, искажения были слабее. Можно было идти, не теряя ориентации.

Небо над головой было серым – обычным пасмурным небом, каким оно бывает осенью. Но когда Марек повернул за угол, серое сменилось фиолетовым. Глубоким, насыщенным фиолетовым, какого не бывает в природе. С прожилками чего-то светящегося – не звёзд, не облаков, а чего-то, для чего не существовало названия.

Он остановился на перекрёстке. Посмотрел направо – там небо было жёлтым, горячим, почти осязаемым. Посмотрел налево – густая чернота, без единого проблеска света. Посмотрел вперёд – нормальные облака, нормальное солнце.

Четыре направления. Четыре неба. Четыре разных реальности, сшитых вместе кривыми стежками.

Марек выбрал путь вперёд – туда, где мир ещё притворялся нормальным.

Он нашёл их в парке.

Когда-то это был сквер – несколько деревьев, скамейки, детская площадка. Теперь деревья росли под невозможными углами, некоторые – корнями вверх, некоторые – параллельно земле. Качели двигались сами по себе, без ветра, без ржавого скрипа. Просто качались – мерно, гипнотически.

Люди сидели на скамейках.

Пять человек. Трое мужчин, две женщины. Разного возраста – от двадцати до шестидесяти, насколько Марек мог судить. Они не разговаривали, не двигались. Просто сидели, глядя перед собой.

Марек подошёл ближе. Его ботинки хрустели по гравию дорожки – звук казался оглушительным в этой тишине.

– Здравствуйте.

Никакой реакции.

– Я из Совета Консенсуса. Пришёл проверить ваше состояние.

Одна из женщин – седая, с морщинистым лицом – медленно повернула голову. Её глаза смотрели на Марека, но как-то... мимо. Сквозь него.

– Совет, – повторила она. Голос был плоским, без интонаций. – Мы помним Совет. Когда-то.

– Вы можете выйти отсюда. Мы организуем эвакуацию, медицинскую помощь...

– Зачем?

Вопрос прозвучал искренне. Не враждебно, не саркастически – просто с непониманием. Зачем выходить? Зачем куда-то идти?

– Здесь опасно, – сказал Марек. – Зона расширяется. Нестабильность увеличивается.

– Опасно. – Женщина будто пробовала слово на вкус. – Это когда что-то угрожает. Когда можно потерять. – Она моргнула – медленно, как рептилия. – Мы уже всё потеряли. Что нам угрожает теперь?

Один из мужчин – молодой, с длинными спутанными волосами – повернулся к Мареку. На его лице не было выражения, но глаза... глаза были странными. Зрачки расширены до предела, радужка почти не видна.

– Ты ещё помнишь, как бояться, – сказал он. – Я вижу это. Страх в тебе. Много страха.

Марек не ответил.

– Это пройдёт, – продолжил мужчина. – Когда будешь здесь достаточно долго. Страх уйдёт. Боль уйдёт. Всё уйдёт. Останется только... – Он замолчал, подбирая слово. – Тишина. Хорошая тишина.

– Я не собираюсь оставаться.

– Никто не собирается. – Мужчина улыбнулся – странной, пустой улыбкой. – Сначала. Потом понимаешь: снаружи хуже. Снаружи – шум. Голоса в голове. Они говорят, что правильно, что нет. Здесь голосов нет. Здесь – свобода.

Марек сделал шаг назад. Эти люди не были агрессивными. Они не были даже пугающими – в обычном смысле. Но что-то в их спокойствии, в их пустых глазах и ровных голосах вызывало более глубокий страх, чем любая угроза.

Это была картина будущего. Того, что ждало всех, если система рухнет.

Того, что ждало Даниила, если Марек не найдёт способа его спасти.

– Контрольная точка два, – сказал он в микрофон, отступая. – Обнаружены выжившие. Пять человек. Отказываются от эвакуации. Продолжаю движение.

Голос Томаша донёсся сквозь помехи:

– Принято. Осталось три часа. Не задерживайся.

Марек оставил парк позади и пошёл глубже в Зону.

Он нашёл её на лестнице разрушенного дома.

Девочка сидела на ступенях – маленькая фигурка в грязном платье, босая, с растрёпанными светлыми волосами. Ей было лет десять, может меньше. Она смотрела на что-то в своих руках – Марек не видел, на что именно.

– Эй.

Девочка подняла голову. Её глаза были нормальными – не расширенные зрачки, не пустой взгляд. Обычные детские глаза, серо-зелёные, с длинными ресницами.

– Здравствуйте, – сказала она вежливо.

Марек присел рядом с лестницей, чтобы быть на одном уровне.

– Как тебя зовут?

Девочка задумалась. Надолго – на несколько секунд, которые растянулись в вечность.

– Не помню, – сказала она наконец. – Было имя. Но оно ушло.

– Давно ты здесь?

Снова пауза.

– Давно – это сколько? – Она наклонила голову. – Здесь нет «давно». Здесь только «сейчас». Много-много «сейчас», одно за другим.

Марек посмотрел на её руки. Она держала что-то маленькое, блестящее. Брошь – старомодную, с потемневшим от времени серебром и синим камнем.

– Это твоё?

– Нашла. – Девочка повертела брошь в пальцах. – Красивая. Мне нравится, когда вещи красивые. Здесь мало красивого.

– А где твои родители?

– Родители. – Она произнесла слово медленно, как иностранное. – Это когда кто-то заботится о тебе? Кормит, укла-

дывает спать?

– Да.

– Были. Наверное. Не помню их лиц. Только... – Она поднесла руку к груди. – Тепло. Помню тепло. Когда кто-то обнимал.

Марек почувствовал, как что-то сжимается в горле. Эта девочка – ребёнок, потерявший всё. Не только дом, семью. Она потеряла саму себя, свои воспоминания, свою историю.

– Я могу вывести тебя отсюда, – сказал он. – Там, снаружи, есть люди. Они позаботятся о тебе.

Девочка посмотрела на него с любопытством.

– Снаружи – это где всё болит?

– Что?

– Здесь ничего не болит. – Она указала вокруг – на разрушенные дома, на небо невозможного цвета, на мир, потерявший смысл. – Потому что никто не помнит, что такое боль. Боль – это когда помнишь, как было раньше. Когда сравниваешь. Здесь нечего сравнивать. Просто есть – и всё.

– Но это не жизнь.

– А что жизнь? – Девочка повернула к нему лицо, и в её глазах промелькнуло что-то – тень прежнего интеллекта, прежней личности. – Ты знаешь? По-настоящему знаешь?

Марек не смог ответить.

– У тебя кто-то есть, – сказала девочка. – Я вижу. Кто-то маленький. Как я была когда-то.

– Сын.

– Сын. – Она кивнула. – Береги его. Снаружи много того, что делает больно. Много правил. Много слов, которые говорят: «Это правильно, это нет». Слова – опасные. Они строят стены.

Марек встал. Протянул руку.

– Пойдём со мной. Пожалуйста.

Девочка посмотрела на его руку. Потом – на брошь в своих пальцах. Потом – снова на него.

– Хорошо, – сказала она. – Пойдём.

Её ладонь была холодной и сухой. Маленькие пальцы обхватили его руку – доверчиво, как может довериться только ребёнок.

Они пошли к периметру.

Обратный путь занял больше времени.

Марек вёл девочку через искажённые улицы, обходя самые опасные участки. Она шла молча, не жалуясь, не спрашивая. Просто держала его за руку и смотрела по сторонам.

– Небо красивое, – сказала она, когда они проходили под фиолетовым небом. – Мне нравится этот цвет. Снаружи такого нет?

– Нет.

– Жаль.

Они миновали парк с сидящими людьми. Девочка посмотрела на них без интереса, без страха. Как на часть пейзажа.

зажа.

– Они устали, – сказала она. – Долго ждали чего-то. Потом перестали ждать. Теперь просто сидят.

– Ждали чего?

– Не знаю. Может, конца. Может, начала. Здесь сложно понять, что есть что.

Марек связался с Томашем – доложил, что возвращается, что ведёт ребёнка. Томаш ответил коротко: «Принято. Жду».

До периметра оставалось меньше километра, когда девочка остановилась.

– Подожди.

Марек обернулся. Она стояла посреди улицы, глядя на него с выражением, которого он не мог прочесть.

– Что случилось?

– Кто ты?

Вопрос прозвучал странно. Они шли вместе уже полчаса.

– Марек. Я говорил тебе.

– Марек. – Она попробовала имя. – Почему ты держишь меня за руку?

– Потому что веду тебя к выходу. Помнишь? Мы договорились.

Девочка нахмурилась. Посмотрела на свою руку в его ладони. На брошь, которую всё ещё сжимала в другой руке.

– Я тебя не знаю, – сказала она.

Марек похолодел.

– Мы познакомились меньше часа назад. На лестнице. Ты сидела и держала эту брошь.

– Брошь. – Девочка подняла её к глазам. – Красивая. Где я её нашла?

– Не знаю. Ты не сказала.

– А. – Она снова посмотрела на него. – Ты добрый. У тебя добрые глаза. Но я не помню, почему мы вместе.

– Потому что я хочу тебе помочь. Вывести отсюда.

– Отсюда? – Девочка огляделась – на улицу, на дома, на небо над головой (здесь оно было нормальным, серым, пасмурным). – Здесь мой дом. Зачем уходить из дома?

– Это не дом. Это Зона. Здесь опасно.

– Опасно. – Она снова пробовала слово. – Это когда что-то плохое может случиться?

– Да.

– А что плохое?

Марек не нашёл что ответить. Для этой девочки понятия «плохо» и «хорошо» потеряли смысл. Она существовала в вечном настоящем, где не было сравнений, не было памяти, не было страха.

Не было ничего.

– Пойдём, – сказал он, мягко потянув её за руку. – Я объясню потом.

Девочка не сопротивлялась. Пошла за ним – послушно, без вопросов. Как идут за случайным прохожим, который попросил показать дорогу.

Они прошли ещё двести метров. Потом она снова остановилась.

– Подожди.

– Что?

– Кто ты?

Марек закрыл глаза. Сосчитал до трёх.

Бесполезно. Каждые несколько минут – перезагрузка. Память стиралась, и девочка снова оказывалась в начале. Не помнила его, не помнила их разговора, не помнила решения идти с ним.

Зона забирала людей не сразу. Она делала это постепенно – откусывая кусок за куском от личности, от памяти, от самого понятия «я». Пока не оставалось ничего, кроме пустой оболочки, которая сидела на скамейке в парке и смотрела в никуда.

– Послушай. – Марек присел перед ней. – Тебе нужно пойти со мной. Я знаю, что ты не помнишь, но я не враг. Я хочу помочь.

Девочка смотрела на него. В её глазах – серо-зелёных, с длинными ресницами – было что-то похожее на сочувствие.

– Ты хороший, – сказала она. – Я вижу. Но ты не можешь помочь.

– Почему?

– Потому что нечему помогать. – Она высвободила руку из его ладони. – Я уже ушла. Давно. Осталось только тело. Тело ходит, говорит, дышит. Но меня в нём нет.

– Это неправда.

– Правда. – Девочка отступила на шаг. – Ты тоже это знаешь. Поэтому твои глаза грустные.

Марек не двигался. Смотрел, как она отступает – медленно, без страха. Как поворачивается и идёт прочь – по улице, в глубь Зоны. Маленькая фигурка в грязном платье, с брошью в руке.

Он мог догнать её. Схватить, унести силой. Доставить на периметр, передать медикам.

Но что бы это изменило?

Она забудет его через десять минут. Забудет, где находится. Забудет, что её куда-то несли. Будет сопротивляться, плакать, не понимая, почему чужие люди удерживают её вдали от единственного места, которое она знает.

А потом – снова забудет.

И снова.

И снова.

Марек смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом. Потом поднялся и пошёл к периметру.

Один.

Томаш ждал его у ворот.

– Где ребёнок?

– Не получилось.

– Что значит – не получилось?

Марек прошёл мимо, не отвечая. Снял нейрошлем, бросил в фургон. Его руки не дрожали – он научился это контролировать. Но внутри было пусто, холодно.

– Северин! – Томаш догнал его. – Я спрашиваю – что случилось?

– Она не хотела идти.

– И ты её оставил?

Марек повернулся к нему. Впервые за весь день посмотрел напарнику в глаза.

– Она не помнила меня, Томаш. Каждые десять минут – с чистого листа. Для неё я был незнакомцем. Каждый раз – заново.

Томаш замолчал. На его лице промелькнуло что-то – понимание? сочувствие? – но быстро исчезло, сменившись привычной маской.

– Ты сделал, что мог.

– Нет. – Марек покачал головой. – Я сделал, что было проще. Это не одно и то же.

Он сел в машину. Завёл двигатель. Томаш остался стоять у ворот – силуэт на фоне Периметра, за которым начинался мир, где реальность ещё имела смысл.

Марек уехал, не оглядываясь.

Домой он вернулся поздно.

Пани Ковальская уже ушла, оставив записку на столе:

«Даниил поужинал. Делал уроки. Странный сегодня – всё время смотрел в окно». Марек смял записку и выбросил в мусор.

Даниил не спал.

Марек нашёл его в детской – мальчик сидел на кровати, обхватив колени руками. Ночник-ракета горел оранжевым, отбрасывая мягкие тени.

– Папа.

– Привет, сынок. – Марек сел рядом. – Почему не спишь?

– Ждал тебя.

– Поздно уже. Завтра в школу.

– Знаю. – Даниил помолчал. – Папа, ты сегодня был далеко?

– Почему ты спрашиваешь?

– Чувствую. – Мальчик посмотрел на него – серьёзно, повзрослому. – Когда ты далеко, я чувствую. Как будто что-то тянет.

Марек не знал, что на это сказать. Он ещё не отошёл от Зоны – от фиолетового неба, от пустых глаз выживших, от девочки, которая забывала его каждые десять минут.

– Да, – сказал он. – Я был далеко. По работе.

Даниил кивнул. Помолчал ещё немного. Потом:

– Папа, ты был там, где мама?

Марек застыл.

– Что?

– Там, где мама. – Даниил смотрел на него без страха, без

тревоги. Просто спрашивал. – Она мне показывала. Место, где она теперь. Там всё по-другому. Небо разноцветное. И время странное.

Марек открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

– Даниил... – Он не узнавал свой голос. – Что ты имеешь в виду – мама показывала?

– Во сне. Или не во сне. – Мальчик пожал плечами. – Сложно объяснить. Она приходит иногда. Показывает вещи. Учит смотреть.

– Что... что она показывает?

– Разное. Цвета, которых тут нет. Формы, которые не помещаются. – Даниил наклонил голову. – Ты был там, да? Я чувствую. От тебя пахнет тем местом.

Марек сидел неподвижно. В его голове проносились образы – Зона, её невозможная геометрия, её разноцветное небо. Девочка на лестнице. Люди на скамейках.

И Лена.

Лена, которая растворилась в аномалии четыре года назад.

Лена, которая – если верить Даниилу – приходила к сыну и показывала ему место, где теперь обитала.

– Ложись спать, – сказал Марек. Голос звучал механически, словно не его собственный. – Завтра поговорим.

– Хорошо. – Даниил послушно забрался под одеяло. – Папа?

– Да?

– Не грусти. Мама говорит, что ты слишком много грустишь. Говорит, что всё будет хорошо.

Марек наклонился и поцеловал сына в лоб. Поднялся. Вышел из комнаты.

В коридоре он прислонился к стене. Закрыв глаза.

Лена мертва. Официально, документально, бесповоротно. Её тело распалось на квантовом уровне. Её сознание – если оно где-то существовало – было недоступно никакому контакту.

Но Даниил говорил о ней так, будто она была рядом. Будто приходила к нему, учила, показывала.

«Мама показывает мне, как смотреть».

Марек открыл глаза. Посмотрел на дверь детской – полоска света из ночника пробивалась в щель.

Его сын разговаривал с мёртвой матерью.

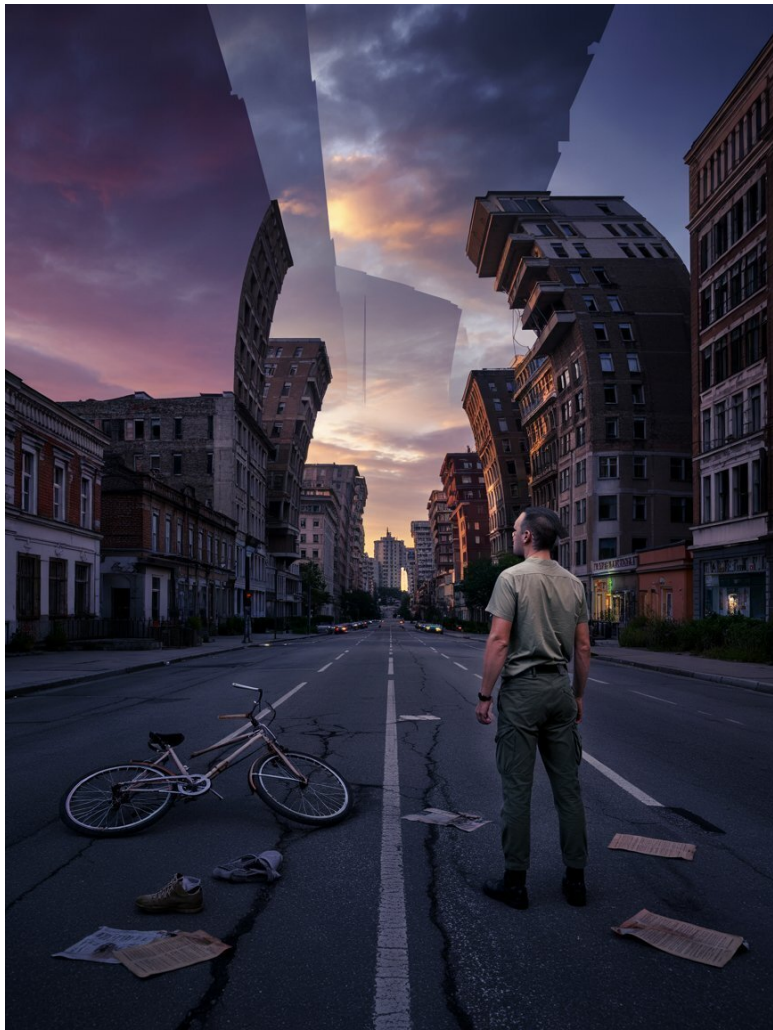
И описывал место, которое Марек только что видел своими глазами.

Зону.

Он не знал, что это значит. Не знал, как это возможно. Не знал, что делать.

Но он знал одно: времени становилось всё меньше.

И он был совершенно, абсолютно, смертельно один.

Глава 5: Аномалия в детской

Это случилось в субботу утром.

Марек проснулся от тишины – той особенной тишины, которая бывает, когда что-то идёт не так. Он лежал на диване в гостиной, глядя в потолок, и пытался понять, что именно его разбудило. Не звук. Отсутствие звука.

Климатическая система не гудела.

Он сел, потирая глаза. Часы на стене показывали семь тридцать две – слишком рано для субботы. Даниил обычно спал до девяти, если не будить.

Марек встал и пошёл проверить климат-контроль. Панель на стене светилась зелёным – система работала, просто беззвучно. Странно, но не критично. Может, обновление прошивки.

Он заглянул на кухню. Всё в порядке. Заглянул в ванную. Всё в порядке. Подошёл к двери детской.

Остановился.

Что-то было не так.

Марек не мог сказать, что именно. Дверь выглядела обычно – белая, с ручкой, с маленькой наклейкой в виде ракеты, которую Даниил прилепил год назад. Но от неё исходило ощущение... неправильности. Как от фотографии, на которой кто-то незаметно подправил пропорции.

Он толкнул дверь.

Даниил спал, свернувшись калачиком под одеялом. Ночник-ракета всё ещё горел – мальчик забыл его выключить. Мольберт стоял у окна, рядом – коробка с карандашами. Всё на месте.

Кроме угла.

Марек смотрел на правую стену комнаты – туда, где она должна была встречаться с задней стеной, образуя угол в девяносто градусов. Угла не было. Не в том смысле, что стена разрушилась или провалилась. Угол просто отсутствовал.

Две плоскости сходились, но не встречались. Между ними было... ничто. Не щель, не дыра, не тьма. Именно ничто – место, где пространство отказывалось существовать. Глаз скользил по стене, доходил до этой точки и соскальзывал, не находя опоры.

Марек сделал шаг вперёд. Потом ещё один.

Чем ближе он подходил, тем страннее становилось ощущение. Это было похоже на головокружение, но не в голове – где-то глубже, в самом восприятии реальности. Как будто часть мозга, отвечающая за понимание пространства, отключилась и отказывалась обрабатывать информацию.

Он протянул руку к несуществующему углу.

– Папа?

Марек отдёргнул руку. Обернулся.

Даниил сидел на кровати, протирая глаза. Волосы торчали во все стороны. На щеке – след от подушки.

– Доброе утро, – сказал мальчик сонно. – Ты чего так ра-

но?

– Я... – Марек посмотрел на угол. Потом на сына. – Даниил, ты ничего не замечаешь?

– Чего?

– В комнате. Что-нибудь... странное.

Даниил огляделся. Посмотрел на мольберт, на шкаф, на окно. Пожал плечами.

– Нет. А что?

Марек снова повернулся к углу. Он всё ещё отсутствовал – провал в геометрии, дыра в ткани пространства. Но Даниил смотрел туда же и ничего не видел.

– Вон там, – Марек указал. – Угол стены. Ты видишь его?

Даниил проследил за его рукой. Нахмурился.

– Ну да. Угол. Там всегда угол. – Он посмотрел на отца с беспокойством. – Папа, ты нормально себя чувствуешь?

Марек не ответил. Он достал из кармана анализатор – тот самый, который носил на работу. Навёл на угол.

Показания скакнули. 0.8. 1.2. 1.7. 2.3.

Потом экран мигнул и погас.

Марек потряс устройство. Попробовал включить снова. Ничего. Анализатор, рассчитанный на работу внутри Зон Нестабильности, вышел из строя от одного измерения в детской комнате его сына.

– Папа? – Голос Даниила стал тревожным. – Что случилось?

Марек убрал бесполезный прибор в карман. Повернулся

к сыну. Заставил себя улыбнуться.

– Ничего, – сказал он. – Показалось. Вставай, я приготовлю завтрак.

Он вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Прислонился к стене в коридоре. Его сердце колотилось так, что отдавалось в висках.

Угол исчез. В комнате его сына образовалась аномалия. Не микроскопическая, не на грани обнаружения – полноценная, видимая невооружённым глазом.

И Даниил её не замечал.

Потому что для него это была норма.

Завтрак прошёл в молчании.

Марек механически готовил – яичница, тосты, сок. Даниил сидел за столом и болтал о чём-то: о школе, о друзьях, о собаке, которую они так и не завели. Марек кивал в нужных местах, не слыша ни слова.

В его голове крутилась одна мысль: что делать?

Он мог вызвать службу. Позвонить Яцеку, доложить об аномалии в жилом секторе. Стандартная процедура: изоляция, эвакуация, расследование. Через несколько часов квартира будет оцеплена, а Даниила заберут на обследование.

Обследование, которое покажет правду.

Что сын Архитектора третьего уровня – дивергент. Что он создаёт локальные аномалии одним своим присутствием.

Что его мозг работает так же, как мозг его матери – той самой, которая растворилась в собственной картине четыре года назад.

После обследования будет только один исход. Глубокая синхронизация. «Обнуление», как это называли в служебных документах.

Даниил станет «пустым».

– Папа, ты меня слушаешь?

Марек вздрогнул.

– Что? Да. Конечно.

– Я спросил, можно я пойду поиграю? Я доел.

Марек посмотрел на тарелку сына. Пустая. Он не заметил, как мальчик съел завтрак.

– Конечно. Иди.

Даниил соскочил со стула и побежал к себе в комнату. Марек смотрел ему вслед. Шесть лет. Светлые волосы. Улыбка, унаследованная от Лены.

Он не мог позволить им забрать сына.

Но он не мог и позволить аномалии расти.

Марек встал из-за стола. Прошёл в гостиную, к рабочему терминалу. Ввёл свои учётные данные. Открыл базу технического обслуживания.

Если вызвать официальную службу – всё кончено. Но есть другой способ. Частные техники, которые работают на Совет по контракту. Они не обязаны докладывать о каждом вызове. Они приезжают, делают своё дело, уезжают.

Если повезёт.

Марек нашёл контакт: «Служба профилактики Якорей. Варшавский сектор». Набрал номер.

– Служба профилактики, слушаю.

– Это Архитектор Северин. Мне нужна проверка жилого помещения. Возможная утечка из городской сети излучателей.

Пауза на другом конце.

– Адрес?

Марек продиктовал. Услышал, как оператор что-то печатает.

– Техник будет через два часа. Что-нибудь ещё?

– Нет. Спасибо.

Он отключился. Откинулся на спинку стула.

Два часа. У него есть два часа, чтобы подготовиться. Убедиться, что техник увидит только то, что нужно. Что он не задаст лишних вопросов.

И что Даниил будет вести себя нормально.

Марек нашёл сына в детской.

Мальчик сидел на полу перед коробкой с конструктором – старым, ещё из тех времён, когда Лена была жива. Пластиковые блоки разных цветов и форм были рассыпаны вокруг него, и Даниил сосредоточенно строил что-то, высунув язык от усердия.

Марек посмотрел на угол. Аномалия никуда не делась – провал в пространстве, который глаз отказывался фиксировать. Но теперь, при дневном свете, она казалась менее пугающей. Просто часть комнаты, которая перестала подчиняться геометрии.

Он заставил себя отвести взгляд.

– Что строишь?

– Башню. – Даниил не поднял головы. – Самую высокую в мире.

Марек присел рядом с ним на пол. Конструкция была шаткой – блоки держались на честном слове, наклоняясь то в одну сторону, то в другую. Но она стояла. Упрямо, вопреки законам физики.

– Красивая, – сказал он.

– Правда? – Даниил поднял сияющие глаза. – Я её для тебя строю.

– Для меня?

– Ага. – Мальчик вернулся к работе, добавляя ещё один блок. – Чтобы ты не грустил. Ты всё время грустный теперь. Как будто что-то болит внутри.

Марек не нашёлся, что ответить. Его шестилетний сын видел его насквозь – лучше, чем коллеги, лучше, чем психологи из службы поддержки.

– Я не грустный, – сказал он. – Просто... думаю о разных вещах.

– О маме?

Вопрос прозвучал просто, без надрыва. Даниил продолжал строить, не глядя на отца.

– Иногда.

– Я тоже думаю о ней. – Блок встал на место, башня качнулась, но устояла. – Она говорит, что ты её помнишь неправильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.